

- ве Министерства юстиции. М., 1899. Кн. 11. С. 11 ; Эскин Ю. М. Местничество в России... С. 155 ; Разрядная книга 1550–1636. Т. 2, вып. 2. С. 334–335.
- 25 Дворцовые разряды. Т. 1. Стб. 687–688, 694.
- 26 Записная книга Московского стола. 1626, мая 5 – 1627, августа 31 // РИБ. Т. 9. С. 445.
- 27 Там же. С. 492, 500, 510.
- 28 Книги разрядные. Т. 1. Стб. 1330.
- 29 Книги разрядные. СПб., 1855. Т. 2. Стб. 61–62 (1627/1628 г.); Стб. 166 (1628/1629 г.); Стб. 265 (1629/1630 г.).
- 30 Там же. Стб. 333.
- 31 Там же. Стб. 265.
- 32 ГАВО. Ф. 575. Оп. 1. Д. 175. Л. 38 об. Документ указан автору М. И. Давыдовым.
- 33 Грамота из приказа Казанского дворца к саратовскому воеводе Степану Васильевичу Чемесову о пожаловании Новоспасского монастыря архимандриту Иосифу с братьями рыбных ловель на оброк в саратовских иргизских водах. Москва. 1631 г., декабря 26 // Труды СУАК. Саратов, 1888. Т. 1, вып. 4. С. 439–441.
- 34 Книги разрядные Т. 2. Стб. 687.
- 35 Разрядная книга 1550–1636. Т. 2, вып. 2. С. 371.
- 36 Там же. С. 375.
- 37 Записная книга Московского стола 7142 года // РИБ. Т. 9. С. 561.
- 38 Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2. Стб. 478, 518.
- 39 Записная книга Московского стола 7145 года // РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 4 ; Дворцовые разряды. Т. 2. Стб. 548.
- 40 Записная книга Московского стола 7145 года // РИБ. Т. 10. С. 92.
- 41 Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. / авт. и сост. А. В. Антонов и др. М., 2010. С. 444–445.
- 42 Роспись хлебам, поднесенным в Москве от Суздальского Покровского монастыря в в 1640 году // РИБ. Т. 35 : Архив П. М. Строева. Т. 2. Пг., 1917. № 491. С. 1018.

УДК 9(470) «18»

«ПАРТИЯ ДЕЙСТВИЯ»: К ВОПРОСУ О ВОСПРИЯТИИ ВОЙНЫ С ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИЕЙ ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТОЙ РОССИИ (70-е годы XIX века)

С. А. Кочуков

Саратовский государственный университет
E-mail: kochukovsgu1974@yandex.ru

В статье рассматриваются взгляды представителей правящей элиты России в отношении кризиса на Балканском полуострове в 70-х гг. XIX в. Анализируются внешнеполитические планы и идеи накануне Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., показано воздействие критических общественных настроений на их последующую эволюцию.

Ключевые слова: Балканский полуостров, правящая элита России, Действующая армия, Русско-турецкая война.

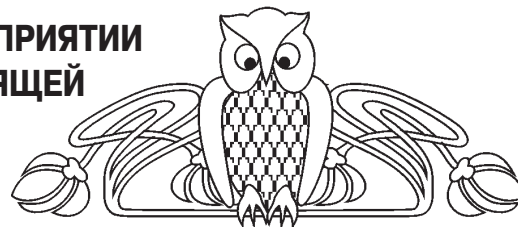
«Action Party»: Perception of the War against the Ottoman Empire by the Russian Ruling Elite (the 1870s)

S. A. Kochukov

The article discusses the views of the Russia's ruling elite representatives on the Balkans' crisis in the 70s of the 19th century. Foreign policy plans and ideas on the eve of the Russian-Turkish war of 1877–1878 are analyzed. The impact of critical public sentiment on their subsequent evolution is shown.

Key word: Balkan Peninsula, Russia's ruling elite, active army, Russian-Turkish war.

Высший бюрократический аппарат России по отношению к возможному в будущем вооруженному столкновению с Турцией в 70-х гг. XIX в. не был един. По этому поводу в историографии сложились понятия «партия действия» и «партия сосредоточения сил». В 70-х гг. XIX в. в правящих кругах определилась «партия сосредото-

чения сил»¹. Она была очень представительна: А. М. Горчаков, Д. А. Милютин, М. Х. Рейтерн, А. Е. Тимашев, П. А. Валуев и др. Понятие «партия действия» в исследуемую тему ввела историк Л. Г. Захарова². К «партии действия» можно отнести Н. П. Игнатьева, П. Н. Стремоухова, К. П. Победоносцева, вел. кн. Александра Александровича и др.

Нетрудно заметить, что в «партию сосредоточения сил» входили главы министерств: иностранных дел, военного, финансов, государственных имуществ, внутренних дел, государственный контролер. Именно они пользовались правом определять в известной степени политику государства. Но «воинственная» «партия действия» находила серьезнейшую поддержку со стороны Славянского комитета и русского общества. Начавшийся в 70-х гг. XIX в. очередной балканский кризис всколыхнул все российское общество, которое фактически являлось локомотивом в решении этого серьезнейшего внешнеполитического вопроса. Все слои русского общества включились в процесс поддержки национально-освободительного движения на Балканах.

Но «партия действия» не была лишена своего взгляда на балканский вопрос и не являлась лишь неким продуктом пропаганды Славянских комитетов. Конечно, Игнатьев, Победоносцев, Стремоухов и др. были на тот момент на «вторых

ролях» и не могли оказывать серьезного влияния на русскую внешнюю политику, тем не менее, у каждого из них было свое видение проблемы.

Граф Н. П. Игнатъев вплотную прикоснулся к проблеме взаимоотношения России и Османской империи в 1864 г., когда был назначен полномочным послом в Стамбуле. На тот момент новый посол Российской империи был уже умудренным опытом дипломатом. Именно при его непосредственном участии был подписан в 1860 г. Пекинский договор, который явился своеобразным продолжением Айгунского и Тяньцзиньского договоров. Этот документ устанавливал границу между Россией и Китаем. Более того, Игнатъев возглавлял Азиатский департамент Министерства иностранных дел. Таким образом, к балканской проблеме он подошел «во всеоружии».

Характеризуя Николая Павловича Игнатъева, русский историк византист А. А. Дмитриевский отмечал: «Мы глубоко убеждены, что будущий историк нашего отечества, когда документы только что пережитой нами эпохи сделаются его полным достоянием, а зависть и эгоизм современников утихнут пред свежей могилой почившего великого русского дипломата, оценит выдающуюся роль графа Игнатъева в церковных делах православного Востока и нашего отечества и укажет ему почетное место»³. Один из современников в своих воспоминаниях писал: «Русский посол в Царьграде оказался столь влиятельным, что сами турки то ли в шутку, то ли в серьез называли его первым после султана лицом в Османской империи – всеильным «московским пашой»⁴.

На взгляды гр. Игнатъева оказал серьезное влияние Парижский трактат, который фактически лишил Россию права иметь свой флот на Черном море. Новый посланник России в Турции с самого начала определил три задачи, решение которых было самым важным: аннулирование Парижского договора; открытие для России свободного выхода в Средиземное море; проведение коренных реформ для славянского населения Балканского полуострова⁵.

Подобная программа пришлась «по вкусу» славянофильским кругам, которые были твердо убеждены в том, что без активной поддержки России балканские славяне вряд ли смогут достичь своего освобождения⁶. В результате в 1867 г. по инициативе Игнатъева европейским государствам был предложен проект реформ, которые необходимо было осуществить в Турции⁷. Но этот проект так и остался на бумаге, так как Османская империя при поддержке Австрии и Англии отклонила русскую инициативу.

Тем не менее, этот отрицательный для России результат дал возможность Игнатъеву окончательно сформировать свою программу взглядов относительно позиции России по отношению к Турции: «Господство России в Царьграде и особенно в проливах, независимость славян в со-

юзе и под покровительством России, по мнению каждого истого патриота, выражает необходимое требование исторического призвания развития России»⁸.

Однако Министерство иностранных дел России с А. М. Горчаковым во главе придерживалось совершенно других взглядов – принципа «европейского равновесия», который, по мнению министра иностранных дел, был самым лучшим для страны в условиях после Крымской войны. Принцип «европейского равновесия» означал поддержку определенного баланса политических и экономических интересов с помощью «европейского концерта», то есть согласия европейских держав⁹.

В данной ситуации, Н. П. Игнатъев совершал поступок, который шел в разрез субординации. Через голову министра А. М. Горчакова¹⁰ он 4 октября 1871 г. подает Александру II записку «О положении дел на Востоке». По сути, этот документ подталкивал царя к решительным действиям в отношении Османской империи. В записке отмечалось: «О восточном вопросе говорят уже целое столетие, но в действительности он двинулся только теперь в нынешнем году. До сих пор восточный вопрос или возбуждался искусственно, как в 1853 г., или бывал чисто местным греческим, сербским. Турецкое могущество постепенно понижалось, но легкость победы над Турцией, предоставленной самой себе, не составляла еще восточного вопроса»¹¹. Игнатъев, хорошо знакомый с ситуацией внутри Турции, поддерживал идею, что она полностью к войне не готова. В «Записке» отмечалось: «Турецкая администрация, можно сказать, не существует с того времени как султана не стали бояться янычары и, оставаясь столь же невежественными, столь же замкнутыми перестали чувствовать необходимость передавать управление в надежные руки. С тех пор турецкое управление стало мелочной интригой, личный состав администрации на местах разросся вдесятеро и эти администраторы сменяют друг друга почти еженедельно. Редко можно видеть генерал-губернатора, остающегося в должности более трех месяцев, иногда они не достигают до места назначения и сменяются еще в дороге. В то же время турецкие финансы кончаются сами собой, не только вследствие непомерных займов, которыми турки воспользовались с детским легкомыслием, как только им предоставлялось это право, но еще и потому, что источники доходов истощены, для уплаты процентов они обременили народ непомерными налогами, заставляющими производителей работать себе в убыток. Империя обнищала, но более всего обнищало мусульманское население, так как они не работали как христиане и менее умеют перебиваться при невыгодных обстоятельствах»¹².

Этот документ являлся своеобразной альтернативой плану развития дел на Балканском полуострове, который предлагал глава МИДа Горчаков, альтернативой политике «выжидания».

Возникает вопрос о том, чем руководствовался посол России в Турции, нарушая все возможные правила и отправляя письмо царю, не согласовав действия со своим непосредственным начальником – министром Горчаковым? По всей видимости, Игнатъев прекрасно разбирался не только во внутривнутриполитической ситуации на Балканском полуострове и в Турции, но и в российских делах. Он не мог не знать, что Славянские комитеты не так слабы, как их хотят представить, и того, что в России набирало обороты движение в поддержку славянских народов. И, возможно, посол предвидел значительную силу русского общества, которое играло все более и более заметную роль при решении славянского вопроса. На интерес Н.П. Игнатъева к общественному мнению и его близость к славянофилам указывает современный исследователь его биографии В.М. Хевролина: «Интересы славян, которые он горячо защищал в отличие от руководства МИД, сочетались у него всегда с интересами России, как и у славянофилов 60–70-х годов, с которыми он был близок. Славянофилы так же, как и Игнатъев, пеклись об имперских интересах и подчиняли дело освобождения и объединения славян задачам усиления внешнеполитической мощи России»¹³.

Дальнейшие события на Балканах развивались как нельзя лучше для Игнатъева. В июле 1875 г. началось восстание в Боснии и Герцеговине. Безусловно, русский посол понимал, что эти страны окажутся в одиночестве против Османской империи и вряд ли выдержат борьбу с ней. С другой стороны, начавшиеся события свидетельствовали, что Игнатъев был прав в своих прогнозах, когда отправлял официальную записку Александру II. Это еще более подняло его престиж.

Что касается наставника великого князя Александра Александровича – К.П. Победоносцева, который с 1861 г. преподавал великому князю курс «Право», с уверенностью можно отнести к сторонникам активных внешнеполитических действий России на Балканах. Несмотря на то что историография, посвященная Победоносцеву, весьма значительна¹⁴, тем не менее, специального исследования, где бы рассматривались внешнеполитические воззрения будущего обер-прокурора св. Синода нет. Лишь в монографии А.Ю. Полунова есть небольшой раздел, где рассматривается «Славянское движение» через призму личности Победоносцева¹⁵. Объясняется это тем, что до 1880 г. Константин Петрович не занимал особых государственных постов. Однако уже то, что он преподавал наследнику российского престола курс права, давало ему возможность общаться с членами императорской семьи и многими представителями политической элиты.

Поскольку событиями на Балканском полуострове интересовалось все российское общество, Победоносцев не мог их игнорировать. Несмотря на то что зарубежная историография относит

Константина Петровича к категории людей, которые были лишь временно увлечены славянскими идеями¹⁶, тем не менее, он имел относительно балканской проблемы твердые убеждения.

Победоносцев исходил из того, что славянские народности, населяющие юг Европы, чрезвычайно близки русским по духу. В письме вел. кн. Александру Александровичу он писал: «В Прагу въезжаешь, как в родной город, особенно из немецкой стороны. Повсюду слышится славянская речь, веет точно родным духом»¹⁷.

Победоносцев чрезвычайно остро воспринимал антирусские настроения русского общества и старался от них не отставать. Это замечал в своих мемуарах кн. Мещерский: «Как человек, он (Победоносцев. – С. К.) для меня всегда был похож на барометр, стоящий на середине между хорошей и переменной погодой; а объяснял я себе это тем, что он был очень личен в своих впечатлениях и в своих отношениях к людям... Как государственный человек, Победоносцев представлял весьма интересное сочетание сильного светом и логикой критического ума с беспомощностью этого большого ума в области ответов на вопросы: что делать, что предпринять в пути»¹⁸.

Победоносцев считал, что все западные государства враждебны России и всему, что она предпринимает, в том числе и практике поддержки христиан. Более того, Константин Петрович совершенно справедливо считал, что Запад специально субсидирует Турцию, для того чтобы она выступала в качестве буферной зоны в балканском регионе. Нетерпимость к Западу прослеживалась у Победоносцева буквально во всем. По мнению Победоносцева, Запад обязательно попытается распространить свои ценности сначала на слабых славян, а затем и на Россию. Поэтому необходимо как можно скорее решить вопрос с Турцией, расчистив себе дорогу на Балканский полуостров. Вот почему Константин Петрович с видимым удовольствием встречал все призывы главы Московского славянского комитета И. С. Аксакова. В речах Аксакова раздавалось много обвинений в адрес западных держав, так же как и в статьях и письмах Победоносцева. В одной из таких речей, произнесенных в Славянском комитете, отмечалось: «Англия, стараясь поддержать существование Турции из видов политических, ссудила ее огромными капиталами и теперь хозяйничает и распоряжается ею, как своей вассальной державой. Франция из таких же видов (хотя в сущности противоположных Англии) поддерживает существование ее. Австрия поддерживает Турцию потому, что с падением ее нарушается целое существование Австрийской империи; прочие державы во всем сильно согласуются с действиями первостепенных держав Европы, восточным вопросом крайне заинтересованных, вот на каком основании магометанство с яростью и с свойственным ему фанатизмом продолжает бесчеловечно угнетать у себя столько миллионов христиан. Англия,

из своих выгод поддерживая Турцию, купила свободу несчастных там христиан и обрекла их быть жертвами турок до тех пор, пока политика на востоке выгодна для блага ее подданных (...) вот причина покровительства Турции; вот почему в журналы Англии, несмотря на все неистовства турок против христиан в Европе и Сирии, один за другим восхваляются мнимую цивилизацией Турции и нахально восхваляют мудрое правление султана с целью морально и материально поддержать в глазах Европы давно уже сгнившую основу подпертой империи. Вот почему задунайские славяне, кроме заинтересованных политикою западных держав, долго не подозревая побочных подпор империи, не раз рвались высвободиться из под яростного и тяжкого ига магометан; но падение Черногории открыло им современную прочность Турции; оно раскрыло наконец глаза всему свету, что за спиной Турции стоят перво-степенные державы Европы»¹⁹. Победоносцев заключил, что «Речь эта прекрасно написана, хотя в ней и нет довольно резких обращений...»²⁰. Эти слова были адресованы наследнику престола вел. кн. Александру Александровичу. Еще в 1876 г., когда разгорался «пожар Балкан», Константин Петрович, обращаясь в письме к наследнику, подчеркивал, что только объединившись всем славянским народам можно противостоять и Турции и Западу²¹. Необходимо отметить, что цесаревич оказался достоин своего учителя. Когда Александр III пришел к власти, то относительно своего внешнеполитического курса выразился предельно кратко и точно: «У России есть лишь два верных союзника – ее армия и флот»²².

Так же как и большинство русского общества, Победоносцев тяжело воспринимал неудачи русской армии под Плевной и осаду Баязета. Главную причину он видел в низком качестве высшего командного состава армии. По его мнению, вооруженным силам не хватало «начальственного ума»²³. С другой стороны, Константин Петрович достаточно критично отнесся к самой идее присутствия императора Александра II в Действующей армии. Ни для кого не являлось секретом, что царь обязательно будет вмешиваться в распоряжения главнокомандующего и штаба, и Победоносцев вынужден был с горечью констатировать: «Зачем пускают его (Александра II. – С.К.) командовать – неопытного еще человека, и его следовало бы поберечь и устранить от фальшивого положения»²⁴.

Победоносцев довольно часто критиковал Александра II и за нерешительность, и за отсутствие последовательного правительственного курса, и за нерациональную внешнюю политику. В письме к Е. Ф. Тютчевой в сентябре 1877 г. он писал: «Государь, по-видимому, впал в пассивное состояние; решится ли он вопреки себя, взять метлу в руки, выместь прежних, взять новых людей. Во всю жизнь он как бы по природе боялся способных людей, избегал их, искал ничтожества, потому что

на ничтожестве легче было ему успокоиться»²⁵.

Однако критика не ограничивалась только императором. С началом войны с Турцией больше всего доставалось Д. А. Милютину и С. С. Левоускому как главам Военного и Морского министерств. Он обвинял их в плохой подготовке к войне, а также в том, что проведенные преобразования в армии просто «выдоили» из казны деньги. В письме к вел.кн. Александру Александровичу как нельзя лучше определилось отношение Победоносцева к главам силовых ведомств: «Рассказывают поразительные, превышающие всякое вероятие истории о систематическом грабеже казенных денег в военном, морском и разных других министерствах, о равнодушии и неспособности начальствующих лиц и проч. Рассказывают удивительные, невероятные вещи... Дай боже, чтобы эти отзывы были преувеличены»²⁶.

Победоносцев, как и вся русская общественность, негативно воспринял результаты Берлинского конгресса. Однако он отрицательно отнесся и к резкой речи главы Московского славянского комитета И. С. Аксакова²⁷. Он считал, что изменить что-либо уже невозможно и если пойти «на поводу» Аксакова и его единомышленников, то это внесет в общество смуту и раздражение; более того, неизвестно, как народ может воспринять слова председателя Славянского общества²⁸.

Рассматривая «партию действия», необходимо определить отношение наследника престола к событиям на Балканском полуострове. В монографии «Русско-турецкая война 1877–1878 гг.» Н. И. Беляев поспешил отнести вел. кн. Александра Александровича к числу сторонников «воинственно настроенной партии»²⁹, которая хотела войны с Турцией. Однако само определение «воинственная партия» подразумевает изначально активных сторонников открытия военных действий против Турции. Возникает вопрос о том, были ли таковые в правящем доме Романовых и можно ли отнести к сторонникам этой партии вел. кн. Николая Николаевича, Александра Александровича, как это сделал в своем исследовании Беляев³⁰. То, что эти близкие родственники императора приняли активное участие в войне (один являлся главнокомандующим, а другой возглавлял самый крупный отряд Дунайской армии), доказывает только одно: младший брат Александра II и наследник престола выполняли свой долг.

Большинство исследователей уверены, что на позицию вел. кн. Александра Александровича повлияла Крымская война и им руководили реваншистские настроения. Разумеется, этот аспект сбрасывать со счетов нельзя. Но будучи человеком военным, наследник престола понимал, что русская армия находится в стадии реформирования и к войне не готова. Выражая поддержку национально-освободительному движению на Балканском полуострове, великий князь не был сторонником силового разрешения балканского вопроса. Русская армия, реформированная во-

енным министром Д. А. Милютиним, еще не достигла того уровня, который обеспечивал бы уверенность в войне против Османской империи. Кроме того, у России отсутствовал флот на Черном море и в случае открытия боевых действий южные регионы страны оказались бы под угрозой вторжения. В письме своей жене цесаревне Марии Федоровне наследник престола писал: «Сегодня получил депешу, что турецкому флоту приказано немедленно оставить Кандию, где он находился, и идти в Константинополь; видно, что они что-то готовят для нас. А мы здесь в Черном море должны спрятать все наши негодные суда в Николаев, чтобы их не сожгли, а действовать им и немисливо... До чего дошло наше Морское министерство – это просто отвратительно и подло! Да и все у нас в этом роде во всех министерствах; Военное министерство не лучше Морского – это мы увидим теперь при мобилизации войск!»³¹

Сам наследник российского престола, по всей видимости, полагал, что война с Турцией – явление неизбежное. Более того, он прекрасно понимал, что российское общество настолько свыклось с самой идеей вооруженного столкновения с Османской империей, что остановить этот процесс «милитаризации» социума было невозможно никакими мерами. В своем дневнике за 1876 г. вел. кн. Александр Александрович оставил следующую запись: «Вся Россия говорит о войне и жалеет ее и вряд ли обойдется без войны. Во всяком случае, она будет одна из самых популярных войн и вся Россия ей сочувствует»³². Нельзя не отметить проявленный наследником престола интерес к «популярности» войны: соображения, связанные с укреплением имиджа власти в глазах общества и армии путем внешнеполитических действий, и здесь имели свое значение. Но искушение «популярной» войны ограничивалось целым комплексом страхов и опасений в отношении конкретных военно-политических вопросов и понятным стремлением к установлению пределов вмешательства общества в вопросы внешней политики.

Великий князь Александр Александрович был достаточно хорошо ознакомлен с ситуацией на Балканском полуострове. Разумеется, информацию он получал не только из прессы. На рубеже 1876–1877 гг. наследник престола получал письма от генерала Р.А. Фадеева, который находился в Сербии. Несмотря на достаточно воинственные взгляды Ростислава Андреевича³³, послания к будущему российскому императору наполнены опасениями в отношении будущей войны. Кроме того, по заявлению генерала, Россия совершенно не представляла своих задач в предстоящей войне. По его мнению, общественные силы в лице Славянских благотворительных комитетов толкали страну в хаос войны, и «политические и военные цели не совпадают между собой»³⁴.

Более того, Р.А. Фадеев предупреждал великого князя Александра Александровича, что осво-

бождение славян Балканского полуострова в ходе войны с Османской империей не будет означать нормализации ситуации в данном регионе. Фадеев допускал не только то, что за Турцию вступится Англия или Австрия, но и то, что начнется более опасная для России партизанская война с «турецким народом»³⁵. Что же касается поддержки России со стороны местного славянского населения, то скептицизм Ростислава Андреевича, действительно, имел основания («славянское население Австрии и Турции сочувствует нам лишь отчасти и то скорее литературным образом, даже там, где они располагают некоторой свободой действий, как в Сербии») ³⁶.

По всей видимости, генерал Фадеев, отправляя письмо наследнику престола, полагал, что последний предостережет Александра II от необдуманных решений в отношении конфликта с Турцией. Однако даже если бы великий князь Александр Александрович и хотел изменить вектор внешней политики, сделать это было уже невозможно. Начало открытия боевых действий было лишь делом времени. Александр II и все его окружение, скорее, оказались во власти обстоятельств, неудержимого исторического развития событий, чем принимали решения. Лично вел. кн. Александру Александровичу нужно было лишь исполнять волю своего отца.

Наследнику престола не нравилась некоторая нерешительность кабинета министров. По сути, каждый предлагал свое. Если главы Военного министерства и Министерства финансов являлись противниками войны в силу специфики своих ведомств, то руководитель МИДа кн. А. М. Горчаков в силу возраста утратил интерес ко всему происходящему. Вел. кн. Александр Александрович писал своему наставнику К. П. Победоносцеву: «Да, были здесь тяжелые минуты нерешительности и неизвестности и просто отчаяние брало. Более ненормального положения быть не может, как теперь: все министры в Петербурге и ничего не знают, а здесь (имеется в виду Ливадия. – С. К.) все вертится на двух министрах: Горчакове и Милютине. Канцлер состарился и решительно действовать не умеет, а Милютин, конечно, желал бы избежать войны, потому что многое прорвется наружу. К счастью, когда я приехал сюда, то застал Игнатьева, который раскрыл глаза всем и так их пичкал, что наконец пришли к какому-нибудь плану действий»³⁷.

В ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. четко обнаруживалось соотношение интересов внешней политики, как их понимало руководство страны (по преодолению последствий Крымской войны), с идеологией освобождения южных славян, которая объединяла российское общество. Таким образом, в определенной степени точки соприкосновения позиций власти и общества Российской империи по отношению к восточному вопросу были. Кроме того, как в среде императорской фамилии, так и в бюрократической элите

сформировался устойчивый интерес к популярности войны с Османской империей, в целях использования ее для повышения имиджа власти.

Примечания

- ¹ См.: *Jelavich B. A Century of Russian Foreign Policy*. Philadelphia, 1964. P. 134 ; *Схиммельпенник ван дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему солнцу : Как имперское миротворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009. С. 179. Название восходит к фразе А. М. Горчакова «Россия не дуется, Россия сосредотачивается».
- ² См.: *Захарова Л. Г. Д. А. Милютин : военный министр и реформатор. «Все наше государственное устройство требует коренной реформы снизу доверху» // Россия : международное положение и военно-экономический потенциал.* М., 1991.
- ³ *Дмитриевский А. А.* Граф Н. П. Игнатъев, как церковно-политический деятель на православном Востоке. СПб., 1909. С. 3.
- ⁴ Цит. по: *Канева К.* Рыцарь Балкан граф Н. П. Игнатъев. М., 2006. С. 25.
- ⁵ См.: *Лилуашвили К. С.* Национально-освободительная борьба болгарского народа против фонарийского ига и Россия. Тбилиси, 1978. С. 118.
- ⁶ См.: Там же. С. 129.
- ⁷ Проект предложенный гр. Игнатъевым включал в себя:
 - 1) самоуправление в провинциях, создание провинциальных советов с пропорциональным представительством от всех национальностей;
 - 2) восстановление прав православных и армянских церквей и создание болгарских церквей;
 - 3) самостоятельность христианских школ и независимость от их правительства;
 - 4) широкое участие христиан в судебной системе;
 - 5) реализация равенства всех перед законом;
 - 6) введение улучшений в судебных организациях;
 - 7) публикация законов на сербском, болгарском и греческом языках. (*Хевролина В. М. Н. П. Игнатъев и А. М. Горчаков : два взгляда на решение балканской проблемы (вторая половина 60-х гг. XIX в.) // Россия и Болгария к 125-летию русско-турецкой войны 1877–1878 гг.* М., 2006. С. 23–24).
- ⁸ *Игнатъев Н. П.* После Сан-Стефано. Пг., 1916. С. 107 ; См.: *Хевролина В. М. Н. П. Игнатъев и его «Походные письма 1877 года» // Игнатъев Н. П. Походные письма 1877 года.* М., 1999. С. 7.
- ⁹ *Хевролина В. М. Н. П. Игнатъев и А. М. Горчаков : два взгляда на решение балканской проблемы...* С. 19.
- ¹⁰ Если быть более точным, то в 1868 г. гр. Игнатъев обратился с письмом к министру А. М. Горчакову, в котором выдвинул идею формирования общественного мнения в Западной Европе о политике России в Турции. «Тщательное наблюдение и четырехлетний опыт убедил меня, – докладывал посол, – что лживые корреспонденции с Востока и телеграфические известия, распространяемые мгновенно по свету, преимущественно основываются на сообщениях нескольких корреспондентов, проживающих или временно пребывающих в Константинополе, из коих каждый снабжает сведениями целую группу европейских газет. Некоторые из этих корреспондентов мне лично известны... необходимо отчасти парализовать корреспонденции, направленные против России, помещая одновременно через тех же людей сведения, представляющие события в свете нам более благоприятном...» (Цит. по: *Алексеев М. Н.* Военная разведка в Российской империи – от Александра I до Александра II. М., 2010. С. 250).
- ¹¹ Государственный архив Российской Федерации (далее ГА РФ). Ф. 730. Оп. 1. Д. 709. Л. 3.
- ¹² Там же. Л. 4-5об. Более того, гр. Игнатъев, находясь в Стамбуле, выполнял и задачи чисто разведывательного характера. Именно разведанные легли в основу записки «О положении дел на Востоке». В документе уделено значительное место вопросу о военной подготовке Турции к возможной войне с Россией: «Готово ли мусульманское население стать в ряды по призыву правительства [...] власти поставили в ряды лишь тех, которых успели выхватить врасплох. В прошлую войну с нами турки высказывали еще некоторое одушевление, теперь же у них оказалось желание – уйти от службы или явная непокорность. Ни один батальон не доведен до штатного числа, а в большей части вместо 800 рядовых не выставлено и 600, кавалерия едва укомплектована до двух третей против положения 90 всадников на эскадрон. При начале мобилизации в октябре прошлого года турецкая армия составляла из 278 сформированных батальонов, численность которых 242000 под ружьем, теперь число готовых батальонов 299, да число рекрут и пойманных и отпускных в рядах за это полугодие никак ни меньше 30000, что составляет вместе с 19-ю новыми батальонами приращение в 45 тыс. солдат, а между тем общая численность турецких войск под ружьем не превышает в настоящее время, по достоверным данным, 198, положим 200 тысяч. Значит, ничтожное по размерам герцеговинское восстание ослабило в десять месяцев турецкую армию почти на 90 тысяч солдат» (Там же. Л. 8–10).
- ¹³ *Хевролина В. М.* Российский дипломат граф Николай Павлович Игнатъев... С. 220.
- ¹⁴ См.: *Айвазов И. Г.* Церковные вопросы в царствование императора Александра III. М., 1914 ; *Добротславский В.* Константин Петрович Победоносцев в своих педагогических воззрениях. Харьков, 1911 ; *Нольде А. Э.* Победоносцев и судебная реформа. Пг., 1915 ; *Тальберг Н. Д.* Победоносцев. Очерки по истории императорской России. М., 2000 ; *Преображенский И. В.* Константин Петрович Победоносцев, его жизнь и деятельность в представлении современников его кончины. СПб., 1912 ; *Гальцева Р. А., Роднянская И. Б.* Раскол в консерваторах (Ф. М. Достоевский, В. Соловьев, И. С. Аксаков, К. Н. Леонтьев, К. П. Победоносцев в споре об общественном идеале) // Неоконсерватизм в странах Запада : в 2 ч. М., 1982. Ч. 2 ; *Готье Ю. В. К. П. Победоносцев и наследник Александр Александрович // К. П. Победоносцев : pro et contra.* СПб., 1996 ; *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг. М., 1964 ; *Он же.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970 ; *Захарова Л. Г.* Кризис самодержавия нака-

- нуне революции 1905 г. // *Вопр. истории.* 1972. № 8 ; *Преображенский П.* Русский папа // Печать и революция. 1924. № 1 ; *Фирсов Н. Н.* Победоносцев. Опыт характеристики по письмам // К. П. Победоносцев : pro et contra. СПб., 1996 ; *Ведерников В. В.* «Московский сборник» К. П. Победоносцева и кризис идеологии пореформенного самодержавия // *Вестн. Волгогр. гос. ун-та.* 1997. Сер. 4, № 2 ; *Гусев В. А.* К. П. Победоносцев – русский консерватор-государственник // *Соц.-полит. журн.* 1993. № 11–12 ; *Рабкина Н. А.* Константин Петрович Победоносцев // *Вопр. истории.* 1995. № 2 ; *Соловьев А. Л.* Общественно-политические взгляды и государственная деятельность К. П. Победоносцева : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2001 ; *Степанов Ю. Г.* «Второе пришествие» «Московского сборника» // *Историограф.* сб. Саратов, 1996. Вып. 19 ; *Он же.* К. П. Победоносцев – корреспондент А. И. Герцена // *Освободительное движение в России.* Саратов, 1999. Вып. 17.
- 15 См.: *Полунов А. Ю.* К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010.
- 16 См.: *Byrnes R.* Pobedonostsev. His Life and Thought. Bloomington; L., 1968 ; *Simon G.* Konstantin Petrovic Pobedonostsev und die Kirchenpolitik des Heiligen Sinod. Gottingen, 1992.
- 17 Цит. по: *Полунов А. Ю.* Указ. соч. С. 159.
- 18 *Мецкерский В. П.* Воспоминания. М., 2001. С. 633.
- 19 ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 25. Л. 2-2об.
- 20 Цит. по: *Полунов А. Ю.* Указ. соч. С. 162.
- 21 «Как давно нам надо было понять, что вся наша сила в нас самих, что ни на одного из так называемых друзей и союзников (Франция и Германия. – С.К.) нельзя нам положиться, что всякий из них готов на нас броситься в ту же минуту, как только заметит нашу слабость или ошибку» (*Полунов А. Ю.* Указ. соч. С. 161).
- 22 Цит. по: *Керсновский А. А.* История русской армии : в 4 т. М., 1994. Т. 3. С. 11.
- 23 Цит. по: *Полунов А. Ю.* Указ. соч. С. 163.
- 24 Переписка С. Д. Шереметева с К. П. Победоносцевым // *Российский архив.* 1999. Т. 9. С. 294.
- 25 Цит. по: *Итенберг Б. С.* От 4 апреля 1866 до 1 марта 1881 года // *Гросул В. Я., Итенберг Г. С., Твардовская В. А.* [и др.]. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 243.
- 26 Цит. по: *Полунов А. Ю.* Указ. соч. С. 165.
- 27 См.: *Цимбаев Н. И.* Речь И. С. Аксакова о Берлинском конгрессе и закрытие Московского славянского общества // *Россия и восточный кризис 70-х гг. XIX в.* М., 1981.
- 28 См.: *Полунов А. Ю.* Указ. соч. С. 164.
- 29 *Беляев Н. И.* Указ. соч. С. 7.
- 30 Там же.
- 31 Цит. по: *Шульга В. В.* Великий князь Александр Александрович в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // *Власть.* 2009. № 1. С. 125.
- 32 ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 307. Л. 61.
- 33 Р. А. Фадеев считал, что если и надо вести войну с Османской империей, то, безусловно, при поддержке держав Европы и в первую очередь Австрии. В своей работе «Мнение о Восточном вопросе» генерал отмечал: «Дело в том, что нам невозможно вести войну на Балканском полуострове без позволения Австрии, а этого позволения мы не получим ни в коем случае. Посмотрите на карту: нам открыт доступ на Европейскую Турцию только одним путем – через ворота между юго-восточным углом Карпат и устьем Дуная; ключ от этих ворот у Австрии. Переходя Дунай или даже Прут, мы становимся тылом к ней. В этом неловком положении первая угрожающая демонстрация нашей доброй соседки заставляет нас поспешно отступить, как было в 1854 г. Нижний Дунай доступен только при австрийском паспорте. В отношении к нам географическое положение европейской Турции уподобляется прочному ящику, крышку которого составляет Австрия; не приподнявши крышки, нельзя ничего достать из ящика – мы уже достаточно это испытали» (*Фадеев Р. А.* Государственный порядок. Россия и Кавказ. М., 2010. С. 648).
- 34 ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 368. Л. 2.
- 35 Там же.
- 36 *Фадеев Р. А.* Государственный порядок. Россия и Кавказ. С. 664.
- 37 Цит. по: *Толмачев Е. П.* Александр III и его время. М., 2007. С. 138.

УДК 94(47).083+929 Гершуни

«ХУДОЖНИК В ДЕЛЕ ТЕРРОРА»: ГРИГОРИЙ ГЕРШУНИ (опыт исторической характеристики)

Ю. В. Варфоломеев

Саратовский государственный университет
E-mail: ybartho@mail.ru

Статья представляет собой опыт построения исторической биографии одной из ключевых фигур революционной эпохи России начала XX века «художника» террора – Г. А. Гершуни. Автор, основываясь на источниках личного происхождения и официальных документах, анализирует деятельность

лидера Боевой организации эсеров и предпринимает попытку создания историко-психологического портрета Григория Гершуни.

Ключевые слова: Григорий Гершуни, организатор, Боевая организация эсеров, революционный террор.